

А. Н. САВЧЕНКО

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРЯЗЫКОВЫХ СОСТОЯНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

I

Проблемы реконструкции фонетической и грамматической систем праязыка на различных этапах его развития приобретают первостепенное значение в современном индоевропейском сравнительно-историческом языкознании. Происходит это оттого, что новых фонетических соответствий между индоевропейскими языками обнаруживается все меньше и меньше, система их в основном уже раскрыта, но реконструкции, сделанные на их основе в девятнадцатом веке и первых десятилетиях двадцатого, не удовлетворяют современное языкознание, потому что в них мало проявился системный подход к языку и есть существенные недостатки в установлении относительной хронологии языковых явлений. Для дальнейшего познания процесса развития индоевропейских языков нужно восстановить не отдельные архетипы, а систему праязыка, а поскольку эта система изменялась, требуется установить относительную хронологию реконструированных элементов ее и системные отношения между ними на различных синхронических срезах.

Распространилось мнение, что главным средством для выполнения этой задачи является метод внутренней реконструкции и что последний должен заменить устаревший сравнительно-исторический метод. Так, У. Ф. Леман писал: „Определенное преимущество метода внутренней реконструкции состоит в том, что при его применении мы по необходимости реконструируем более ранние формы языка в виде системы, в то время как при использовании сравнительно-исторического метода мы оперируем отдельными единицами по примеру младограмматиков“¹. Это мнение разделяют некоторые советские индоевропеисты. Напр., Э. А. Макаев высказался так: „Именно последняя (т.е. внутренняя реконструкция, — А.С.) позволяет более строго и объективно разграничить архаизмы и инновации и тем самым определить, какие категории можно приписать исходному состоянию отдельных индоевропейских языков и, путем последовательного и ступенчатого нисхождения, индоевропейскому праязыку. Внутренняя реконструкция обеспечивает

¹ У. Ф. Леман, Выводы о протоиндоевропейской глагольной системе, — ВЯ 1961 2 25.

также реальную постановку вопроса о периодизации общеиндоевропейского языкового состояния².

При этом обычно отвергается сравнительная грамматика индоевропейских языков, разработанная до создания метода внутренней реконструкции, особенно — представленная в трудах младограмматиков. У. Ф. Леман высказался о ней так: „Одним из наиболее серьезных недостатков сравнительного метода является всегда подразумеваемое допущение, согласно которому любая форма, встречающаяся в двух или более диалектах, должна быть восстановлена и для праязыка... В общем протоиндоевропейская глагольная система, восстанавливаемая при помощи сравнительного метода, громоздка и бесформенна, как и система вокализма, восстановленная этим методом и изложенная в трудах Бругмана“³. В. В. Иванов и В. Н. Топоров в связи с реконструкцией прабалтийского и праславянского предостерегают: „При установлении морфологической модели важно отрешиться от предвзятых мнений, которые были навязаны исследователям балтийских и славянских языков традиционной индоевропеистикой. Именно поэтому в балтийских и славянских языках искали обычно потери, а не приобретения, и простейшему объяснению предпочитали более сложное, исходящее из наличия в индоевропейском многочисленных форм“⁴. Подобные обвинения традиционной сравнительной грамматики в предвзятости есть и у некоторых других языковедов⁵, а И. Казлаускас прямо писал, что в индоевропеистике долгое время господствовало мнение, что архаизм системы падежей в том или ином языке определяется множеством их: чем больше падежей, тем архаичнее система, чем меньше, тем больше удалась система падежей от праиндоевропейской⁶.

Эти обвинения по адресу сравнительно-исторического метода и индоевропейской сравнительной грамматики несправедливы. Никто из крупных индоевропеистов не утверждал, что в процессе развития индоевропейских языков происходила только утрата форм и что грамматическая система того или иного индоевропейского языка тем архаичнее, чем она богаче формами. Богатая падежная система армянского языка (7 падежей) не считается и не считалась более архаичной и не используется в сравнениях более широко,

² Э. А. Макаев, Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, — ВЯ 1965 4 5.

³ У. Ф. Леман, Ук. соч., 24.

⁴ В. В. Иванов и В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков (доклад на IV съезде славистов), Москва, 1958, 15—16.

⁵ См., напр., Сравнительная грамматика германских языков, III, Москва, 1963, 133.

⁶ J. Kazlauskas, Lietuvių kalbos istorinė gramatika, Vilnius, 1968, 133.

чем бедная греческая система (4 падежа). А если сравнительная грамматика реконструирует праиндоевропейскую грамматическую систему с большим количеством именных и глагольных форм, то это потому, что она исходит из фактов, из реальных соответствий между индоевропейскими языками, а не из априорных положений. Естественно, что младограмматики, стоявшие на уровне знаний XIX века, не располагавшие материалом малоазийских и тохарских языков, современными приемами системного анализа грамматических явлений и современными данными типологического языкознания, не могли реконструировать фонетическую и грамматическую системы праязыка так, как это делают современные индоевропеисты. Из языков, известных им, самыми древними были санскрит и греческий, и это отразилось на их реконструкциях. Вследствие этого у них были некоторые ошибочные положения (напр., возведение к праязыку имперфекта и сигматического футурума). Но у них не было предвзятого подхода к реконструкциям, свойственного некоторым сторонникам метода внутренней реконструкции. А по мере того как сравнительно-историческая индоевропеистика расширяла свой материал и совершенствовала сравнительно-исторический метод, она приходила к все более и более вероятным реконструкциям.

Что же касается внутренней реконструкции, то она всегда применялась в сравнительно-исторической индоевропеистике и по мере развития ее приобретает все большее значение, но, во-первых, ее возможности ограничены и она не может привести к восстановлению всей системы языка на более раннем этапе развития, о чем очень ясно и убедительно написала Т. Я. Елизаренкова⁷. Внутренняя реконструкция возможна далеко не всегда, а лишь в особых случаях, когда между некоторыми элементами языка существуют отношения аномальные, противоречащие более общим отношениям, существующим в синхронической системе этого языка. Тогда перед исследователями встает задача определить причину таких особых отношений. Внутренняя реконструкция есть гипотеза о причине таких аномальных отношений, т. е. об особенностях более ранней системы языка, породивших их. Эти гипотезы могут привести к реконструкции отдельных участков более ранней системы, но не восстановить всю систему.

Во-вторых, внутренняя реконструкция не является методом. Метод есть система правил, которыми руководствуется исследование, а внутренняя реконструкция, так же, как и внешняя, не располагает никакими определенными правилами построения гипотез, потому что природа языка не допускает этого. Сравнительно-исторический метод состоит из правил, но это —

⁷ Т. Я. Елизаренкова, Аорист в Ригведе, Москва, 1960, 20—21.

правила более общего характера: что сравнивать нужно в пределах родственных языков, что сравнивать можно только элементы, в которых есть фонетические соответствия и смысловая связь, что такого рода элементы имеют общее происхождение, что в результате сравнения должна быть произведена реконструкция архетипа и т.д.; но как именно делать эту реконструкцию, — никаких правил нет. Их и быть не может, потому что языковые процессы настолько разнообразны, что не укладываются ни в какие схемы (а правила реконструкции могли бы опереться только на какие-то общие схемы языковых процессов). Поэтому реконструкции бывают и ошибочными; напр., принятая в сравнительной грамматике реконструкция звонких придыхательных **bh*, **dh*, **gh*, **gʰh* в праиндоевропейском противоречит обнаруженным типологическим закономерностям⁸ и должна быть пересмотрена. Гипотезы об архетипах руководствуются только самым общим правилом всякой гипотезы: из возможных решений принимается наиболее вероятное. Этим правилом руководствуется и внутренняя реконструкция, но это не есть метод.

Ни один из лингвистов, бравшихся за разработку метода внутренней реконструкции, не смог выдвинуть какие-нибудь конкретные правила этого метода. Е. Курилович в докладе на X международном конгрессе лингвистов, подытоживая предшествующие поиски в области метода внутренней реконструкции, отмечает два принципа, установленные в этом методе: 1) явления аномальные, выпадающие из системы языка, рассматриваются как архаизмы и кладутся в основу реконструкции; 2) формы, употребляемые только в застывших выражениях (идиомах), рассматриваются как более древние, чем формы, употребляемые свободно. Эти принципы, по мнению Е. Куриловича, характеризуют внутреннюю реконструкцию в широком смысле и не могут быть применены в каждом частном случае⁹. Это мнение совершенно справедливо. К нему нужно добавить, что данные принципы не являются методическими правилами и не составляют метода по двум причинам.

1) Они не указывают, как именно, по каким правилам должна производиться реконструкция исходного состояния на основании аномальных, несистемных явлений языка и форм, употребляемых только в застывших выражениях.

2) Они не являются правилами потому, что далеко не всегда оказываются действительными. Как правильно отметила Т. Я. Елизаренкова¹⁰, несистемные (аномальные) явления языка могут быть не только остатками прошлого, но и началом чего-то нового. Напр., в гомеровском диалекте греческого

⁸ В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968, 7–9.

⁹ Новое в лингвистике, IV, Москва, 1965, 401.

¹⁰ Т. Я. Елизаренкова, Ук. соч., 21.

языка падежная форма на *-φι* — типичное несистемное, изолированное явление в именном склонении. К тому же она многозначна, что в данном случае также может быть истолковано как архаизм. Если делать внутреннюю реконструкцию прагреческого по сформулированному Е. Куриловичем принципу, то нужно сделать вывод, что форма на *-φι* является самой древней формой косвенного падежа не только в прагреческом, но и в праиндоевропейском, потому что она древнее, чем генетив на *-ος* или аккузатив на *-ν*. Однако сравнение с другими индоевропейскими языками оказывается более убедительным, настолько, что даже самые ярые сторонники внутренней реконструкции признают, что форма на **-bhi* (к которой восходит *-φι*) является значительно более поздней падежной формой, чем генетив на **-es/os* или аккузатив на **-m*. В латинском языке несистемный характер имеет форма футурума с суффиксом *-s-* (напр., *faxō* „сделаю“), но и она не является архаичной. В старославянском подобную роль играет форма аориста 3 лица ед. ч. на *-mъ* (падетъ), но она есть новообразование, а не архаизм. В латинском языке форма локатива *Romae* „в Риме“, *militiae* „в войске“, *humī* „на земле“, *domī* „в доме“, *Carthagini* „в Карфагене“ употребляется главным образом в застывших выражениях, но, тем не менее, сами приверженцы метода внутренней реконструкции В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Э. А. Макаев, В. П. Мажюлис не считают ее архаизмом и отрицают существование локатива в праиталийском и праиндоевропейском.

К этим двум наиболее общим принципам внутренней реконструкции Е. Курилович добавляет еще некоторые правила. В области фонетики, по его мнению, реконструкция должна исходить только из фонологических противопоставлений, но не из артикуляционных изменений и изменений по аналогии¹¹. В области морфологии он требует учета иерархии морфем и учета семантических и синтаксических функций морфем. Последним он придает особо важное значение и в реконструкции их рекомендует исходить из панхронических законов изменения функций, каковыми он считает:

итератив → дуратив (презенс) → (общий или неопределенный) презенс; глагол состояния → перфект → неопределенное прошедшее → повествовательное время; деидератив → будущее; наречие → „конкретный“ падеж → „грамматический“ падеж; пол (в существительном) → род (в прилагательном); собирательность → множественное число и т. д.¹².

Эти правила также не могут лечь в основу метода в силу их полной ненадежности.

¹¹ Новое в лингвистике, IV, 405, 432.

¹² Там же, 432—433.

Фонологический анализ нисколько не предохраняет от субъективности и даже произвольности реконструкции, наглядным примером чему может служить реконструкция древнейшей индоевропейской системы гуттуральных самим Куриловичем. Из трех рядов соответствий гуттуральных согласных, существующих в индоевропейских языках и известных под названиями „лабиализованные гуттуральные“, „палатализованные“ и „простые“, Е. Курилович, вопреки мнению многих других индоевропейцев, исходя только из фонологических соображений, возводит к праиндоевропейскому простые и палатализованные, а лабиализованные объявляет новообразованием языков кентум. Необоснованность и невероятность этой точки зрения вполне убедительно показана И. М. Тронским¹³. В поддержку же мнения Е. Куриловича никто не выступил.

Что же касается панхронических законов изменения функций, то нет основания считать их законами, потому что они расходятся с некоторыми фактами. Можно полагать, что перфект развился в праиндоевропейском языке из глагольных форм, имевших значение состояния, но нет основания считать это законом для всех языков. В дальнейшем же развитии перфекта в индоевропейских языках получаются различные результаты: он переходит либо в прошедшее время, либо в настоящее. Перфект **uoida* во всех индоевропейских языках получил значение презенса, в германских то же значение имеют претерито-презентные глаголы, в хеттском — спряжение на *-hi*.

Образование падежных форм, даже в одних только индоевропейских языках, происходит далеко не всегда по способу, указанному Куриловичем. В индоевропейских языках наречное происхождение предполагается только у падежных форм на **-bhi* и на **-mi*, которые выполняют функции преимущественно датива и инструменталю множественного числа и не являются древнейшими. Древнейшими же именными формами, по общему признанию, являются номинатив, генетив и аккузатив, которые в индоевропейских языках не обнаруживают никаких следов прежнего конкретного значения и никакой связи с наречиями.

Что касается рода прилагательных, то он развился в связи с родом же существительных, но не с категорией пола. Эти категории в индоевропейских языках не совпадают: полов существует только два, а родов — три, при том если существительное, напр., мужского рода (рус. „врач“), то оно не обязательно должно быть мужского пола (рус. „врач пришла“).

¹³ И. М. Тронский, *Общеиндоевропейское языковое состояние*, Ленинград, 1967, 29–30.

В-третьих, внутренняя реконструкция не должна противопоставляться сравнительно-историческому методу, потому что она дает надежные результаты только в сочетании с внешним сравнением. Так, относительная хронология греческого падежного окончания *-φι* открывается только при сравнении греческого с другими индоевропейскими языками. Славянская форма *вѣдѣ* признается В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым при внутренней реконструкции глубоким ахраизмом, но они не могут использовать этот архаизм для реконструкции более древней глагольной системы праславянского, потому что восстанавливать целую систему по единственной изолированной форме не считают правомерным¹⁴. Действительно, такая реконструкция без сравнения с родственными языками могла бы получиться какой угодно в зависимости от фантазии автора. Только сравнение с формами санскритского, греческого и латинского перфекта раскрывает историческую сущность этой формы. Архаичный характер греческого окончания 2 лица ед.ч. перфекта *-θα* в глаголе *οἶσθα* полностью подтверждается при сравнении с санскритским *-tha*. Ведийские случаи 3 лица аориста меди *a-duha* „он доил“, *a-iṣa* „он владел“ проясняются только при сравнении с хеттским *esa-ri* „сидит“. Латинские локативные формы *Romae*, *domi* и т. п. без внешнего сравнения могут толковаться только субъективно: либо как глубокий праиндоевропейский архаизм, либо как возникающее новообразование (как они и толкуются фактически В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым, Э. А. Макаевым). Только сравнение с индо-иранским и славянским локативом и некоторыми греческими и литовскими наречиями объективно ведет к выводу, что это — форма локатива, который существовал в праиндоевропейском, но возник позже других падежей.

В тех случаях, когда внутренняя реконструкция не может подкрепляться внешним сравнением (напр., при реконструкции древнейших состояний праязыка), она также может дать положительные результаты (при осторожном, хорошо продуманном решении вопросов), но менее надежные, чем при внешнем сравнении. Поэтому отдавать предпочтение внутренней реконструкции перед сравнительно-историческим методом нет никаких оснований.

Элементы внутренней реконструкции издавна применяются в сравнительно-историческом языкознании. Внутренняя реконструкция совершенствовалась по мере совершенствования сравнительно-исторического метода, особенно — в связи с все более широким проникновением в него типологии, и в настоящее время она играет важную роль в индоевропеистике, но она не может стать особым методом и сменить сравнительно-исторический метод, потому что она является необходимым составным элементом последнего.

¹⁴ В. В. Иванов и В. Н. Топоров, Ук. соч., 27.

II

Истинность того или иного взгляда на внутреннюю реконструкцию наиболее полно раскрывается при практическом применении ее. Сделаем это на материале балтийских и славянских языков.

Внутренняя реконструкция, как особый метод, противостоящий сравнительно-историческому, была применена к этим языкам В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым в упомянутом выше докладе на IV международном съезде славистов. В области именного склонения она привела авторов к заключению, что в прабалтийском и праславянском отсутствовал локатив. В области спряжения авторы пришли к выводу, что в прабалтийском и праславянском система глагола характеризовалась главным образом противопоставлением настоящего и прошедшего времени, а перфекта в обеих ветвях не было; аорист в славянском является новообразованием. Новообразованием являются и залоги обеих ветвей; залоговой системы, свойственной другим индоевропейским языкам (актив — меди́й), в балтийском и славянском не было.

Концепция В. В. Иванова и В. Н. Топорова оказала влияние на некоторых других языковедов, в особенности — на балтистов, и в ней необходимо критически разобраться.

Мнение авторов об отсутствии в праиндоевропейском локатива было подхвачено Э. А. Макаевым и развито дальше. Последний исключил из праиндоевропейского склонения также инструменталь и аблатив и свел праиндоевропейскую систему склонения только к „грамматическим“ падежам: номинативу, генетиву, дативу и аккузативу¹⁵. Эта концепция получила признание в некоторых работах по балтистике. И. М. Тронский достаточно убедительно показал, что нет никакого основания отрицать существование в праиндоевропейском локатива и инструменталья¹⁶. Отмечалось это и в моих статьях¹⁷. Иванов и Топоров, как и Макаев и Казлаускас, обвиняют традиционную индоевропеистику в том, что она приписывает праиндоевропейскому языку сложную систему восьми падежей и предполагает утрату тех или иных падежей в отдельных ветвях. Очевидно, что сами эти авторы исходят из того, что древнейшая система должна быть простейшей. Однако развитие грамматического строя не всегда идет по пути усложнения. Известно немало случаев упрощения чрезмерно усложнившихся участков грамматического строя. И реконструкция праиндоевропейской грамматической системы на различных этапах ее развития должна производиться только на основании

¹⁵ Сравнительная грамматика германских языков, III, 288—292.

¹⁶ И. М. Тронский, Ук. соч., 70—73.

¹⁷ LP XII—XIII (1968) 29—30; Типология и взаимодействие славянских и германских языков, Минск, 1969, 40—42.

фактов соответствий между индоевропейскими языками и соотношений между восстановленными праформами, а не на основе принципа „чем древнее, тем проще“. Факты же говорят о том, что между формами локатива в тех языках, в которых они сохранились, имеется соответствие. Это относится и к инструменталю. Правда, соответствие между формами инструменталю единственного числа недостаточно ясно, но оно вполне отчетливо между формами инструменталю множественного числа основ на -o (скр. *vrkāiḥ*, греч. *λύκοις*, лат. *lupīs*, лит. *vilkaīs*), что дает полное основание реконструировать для праиндоевропейского форму инструменталю множественного числа. Но отношения между формами имени в индоевропейской грамматической системе таковы, что форма множественного числа не могла существовать без формы единственного. Следовательно, существовала и форма единственного числа инструменталю.

В области глагола внутренняя реконструкция прабалтийского, отрицающая внешнее сравнение, не ведет дальше системы, основанной на противопоставлении настоящего времени прошедшему. Таковую систему и реконструируют В. В. Иванов и В. Н. Топоров для прабалтийского. Этот вывод они распространяют и на праславянский, считая аорист славянским новообразованием. Такая система прабалтийского и праславянского не имеет ничего общего с глагольной системой праиндоевропейского, восстановленной как путем сравнения индоевропейских языков, так и посредством внутренней реконструкции. Характернейшей чертой праиндоевропейской глагольной системы было противопоставление презенса, аориста и перфекта. Хотя перфект отсутствует в ряде индоевропейских языков (балтийских, славянских, тохарских, армянском, албанском, малоазийских), тем не менее существование его в праиндоевропейском не подлежит сомнению. Он сохранился в пяти ветвях (индо-иранской, греческой, италийской, кельтской, германской), а в некоторых других (тохарских, славянских) имеются явные пережитки его. Вполне достоверно реконструируется перфект и в малоазийском, на основании окончаний презенса спряжения на *-hi* и претерита обоих спряжений. В презенсе спряжения на *-hi* отражены индоевропейские окончания перфекта единственного числа **-ha* (лув., иер.-хетт. *-ha*, хетт. *-hi*), **-tha* (хетт. *-ta*), **-e* (хетт. *-i*) и чередование корневой гласной (хетт. *sakhi* — *sekweni*); в претерите имеются окончания перфектного происхождения 2 л. ед. ч. **-tha* (хетт. *-ta*) и 3 л. множ. ч. **-r* (хетт. *seker*). Значение индоевропейского перфекта было таково, что впоследствии в отдельных языках из него развивалось, с одной стороны, значение прошедшего времени, с другой — значение настоящего. Так произошло и в малоазийском. Аорист имеется только в четырех ветвях (индо-иранской, греческой, славянской, армянской), но внутренняя реконс-

струкция праиндоевропейского совершенно бесспорно подтверждает существование его с глубокой древности. Аорист (простой), судя по его основам и окончаниям, имел общее происхождение с презенсом. Презенс — бесспорно общеиндоевропейская категория, это никем не подвергалось сомнению. Но презенс — маркированная категория, противостоящая немаркированному аористу¹⁸. Он характеризовался различными особыми суффиксами или инфиксом, которых не было в аористе, окончания его были те же, что и в аористе, но с добавлением конечного *-i*, в древнем значении его обнаруживается элемент длительности действия, отсутствовавший в аористе. Следовательно, без аориста не могло быть презенса.

Таким образом, и внешнее сравнение, и внутренняя реконструкция бесспорно раскрывают праиндоевропейскую систему глагола, в которой взаимно противопоставлялись презенс и аорист и обоим им противостоял перфект, причем эти категории не имели значения времени. Если при этом учесть, что в области залога противопоставлялись актив и медий, а в области наклонения — индикатив, императив, конъюнктив и оптатив, что не включается В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым в прабалтийскую и праславянскую модели, то оказывается, что прабалтийская и праславянская глагольные системы, восстановленные методом внутренней реконструкции Ивановым и Топоровым, не родственны праиндоевропейской.

Однако при наличии несомненного родства в фонетических системах и признаваемого авторами родства в системах имени такой вывод был бы абсурдным, и авторы не делают его. Они полагают, что балто-славянская модель отделена от индоевропейской определенным периодом времени. Чем же был заполнен этот период? Существовал ли тогда какой-то язык, промежуточный между индоевропейским и прабалтийским (также праславянским)? Фонетические процессы и морфология имени не дают основания предполагать, что балтийский (как и праславянский) произошел не прямо от индоевропейского, а от какого-то языка, стоявшего между ними. А если и признать существование такого языка, то нельзя не признать, что в нем произошла утрата перфекта и аориста, медия и индоевропейской системы наклонений. Факт утраты остается фактом, и, очевидно, гораздо больше есть оснований признать, что утрата этих категорий произошла на древнейших этапах развития прабалтийского и праславянского (здесь — за исключением аориста).

Как видим, метод внутренней реконструкции, примененный Ивановым и Топоровым, не дал решения вопроса о глагольной системе прабалтийского и праславянского. Чтобы достичь более надежного результата, нужно не обхо-

¹⁸ И. М. Тронский, Ук. соч., 96.

дить такое явно несистемное явление, как славянская форма *vǫdǫ*, архаичность которой признают упомянутые авторы. Но оценить историческое значение этой формы и использовать ее для внутренней реконструкции можно только при внешнем сравнении. Последнее показывает, что *vǫdǫ* восходит к **uoidai*, поздней индоевропейской форме 1 лица ед.ч. перфекта, возникшей на базе более ранней **uoida*. Внутренняя реконструкция в области индоевропейского ведет к заключению, что **uoida*, **uoidai* образовано от корня **ueid-* „видеть“ и обозначало „я знаю, потому что увидел“ (поскольку перфект обозначал состояние как результат предшествующего действия). Следовательно, в праславянском существовал некогда перфект индоевропейского образования. От него происходит и парадигма *vǫmь, vǫsi, vǫstь...* Она образовалась, очевидно, после того, как перфект этого глагола получил значение презенса, путем замены окончаний перфекта окончаниями презенса при основе перфекта.

Оба корня **ueid-* и **uoid-* существуют и в балтийских языках в тех же значениях „видеть“ и „знать“. Корень **ueid-* представлен латышским *veids* „вид, форма“, литовским *veidas* „лицо“, **uoid* — прусским *waissei* „знаешь“. Если применить к этим корням внутреннюю реконструкцию в сочетании с внешним сравнением, то оказывается, что **ueid-* есть по происхождению презентный корень, а **uoid-* — перфектный того же глагола. А это означает, что и в балтийском существовал перфект.

В славянском существовал и аорист. Поскольку сигматический аорист обнаруживает черты более позднего происхождения, чем простой, некоторые индоевропейцы считают его новообразованием отдельных ветвей. Но в старославянском существовал и простой аорист, несомненно праиндоевропейский. Если признавать, что балтийский язык произошел от праиндоевропейского и находится в ближайших родственных отношениях со славянским, то нельзя не признать, что и в нем на древнейшем этапе развития существовал аорист. Этого требует системный подход к языку.

О вероятной реконструкции залогов в прабалтийском и праславянском речь идет в моей статье, которая напечатана в приложении к „Балтистике“ за 1972 год.

Грамматические категории прабалтийского и праславянского должны восстанавливаться как система, но эта система не должна быть несовместимой с праиндоевропейской. В раскрытии этой системы важное значение имеет внутренняя реконструкция, но она не должна противоречить данным внешнего сравнения и должна соотноситься с внутренней реконструкцией праиндоевропейского.

III

Итак, „метод“ внутренней реконструкции, как самостоятельный метод, противопоставленный сравнительно-историческому, не является достаточным средством восстановления грамматической или фонетической системы праязыка. Системная реконструкция праязыка должна производиться не через отрицание архетипов, установленных сравнительной грамматикой, а только исходя из этих архетипов, оперируя ими и в случае надобности уточняя их. То, что сравнительный метод всякую форму, встречающуюся в двух или более родственных языках, возводит к праязыку, не является его пороком, вопреки мнению У. Ф. Лемана. Сторонники метода внутренней реконструкции, считая неправильным возводить к праязыку формы, существующие лишь в немногих языках, ссылаются на то, что одинаковые или сходные формы могут возникнуть в разных языках независимо друг от друга, в порядке параллельного развития. Однако параллельное развитие бывает обычным в области структур, но не материальных средств выражения. Напр., аналитический перфект (сочетание причастия прошедшего времени с презенсом глагола „быть“) параллельно развился в славянских, германских, романских и некоторых других языках, независимо друг от друга, потому что общим в этих формах является только принцип их построения, морфемы же могут быть различными. Но случайное совпадение в окончаниях или суффиксах — настолько редкое явление, что практически можно не считаться с его возможностью. Этот тезис лежит в основе сравнительно-исторического метода. Если же исходить из того, что в разных языках могут параллельно развиваться формы тождественные (или сходные) не только структурно, но и материально, то все общие элементы в индоевропейских языках могут быть объявлены результатом параллельного развития, и тогда реконструкция праиндоевропейской системы (в том числе и внутренняя) становится невозможной и родство индоевропейских языков становится сомнительным. Но родство индоевропейских языков не подлежит сомнению, сравнительно-исторический метод принес языкознанию большие успехи, которые без него были бы невозможны, и принципы его оправдали себя на деле. Если же те или иные соответствующие друг другу формы имеются в малом количестве языков, то это может быть результатом либо ареальной ограниченности соответствующей праформы в праязыке, либо утраты ее во многих языках данной семьи. В каждом случае этот вопрос должен решаться по конкретным данным.

Чтобы сделать реконструкцию системной, нужно прежде всего, как предложил И. М. Тронский, разделить реконструкцию ближнюю и дальнюю¹⁹.

¹⁹ И. М. Тронский, Ук. соч., 22.

В последней, в свою очередь, могут выделяться различные срезы, но это связано с большими затруднениями и возможно только в самом общем виде. Главная задача состоит прежде всего в том, чтобы отграничить ближнюю реконструкцию от дальней в целом. В этом деле нужно, во-первых, выделить среди восстановленных архетипов явления ареально ограниченные. Они относятся к ближней реконструкции и в большинстве могут быть возведены к эпохе обособления в праязыке отдельных диалектных зон. Установление относительной хронологии процессов в области фонетики в большинстве случаев достигается с трудом. Определение фонетической системы праязыка в ближней реконструкции осуществляется путем фонологического анализа оппозиций реконструированных фонем, с учетом типологических закономерностей, причем важное значение имеет сформулированный В. В. Мартыновым общий закон фонетических систем, состоящий в том, что не может быть в языке фонем, маркированных определенным дифференциальным признаком, без соответствующих немаркированных фонем²⁰, а также идея В. В. Мартынова об использовании в целях реконструкции фонетических явлений, которые могут быть диагностирующими в том или ином вопросе²¹.

В области морфологии разграничение ближней и дальней реконструкции достигается главным образом путем установления функциональных противопоставлений между восстановленными праформами, с учетом маркированности — немаркированности форм, а также характера их формальных показателей. Успешное решение этой задачи дает возможность обнаружить среди архетипов и их соотношений явления аномальные, противоречащие принципу данной системы, и применить к ним внутреннюю реконструкцию. Напр., маркированность презенса и немаркированность по отношению к нему аориста дает возможность установить характер противопоставления их по значению длительности — недлительности в праиндоевропейском языке на позднем этапе. Полное несоответствие перфекта этому функциональному противопоставлению при наличии в перфекте окончаний и особенностей основы, противоречащих тому соотношению, которое существует между окончаниями и приметами основ презенса и аориста, составляет аномалию в системе, и эта аномалия дает возможность реконструировать более раннее противопоставление единой категории презенса-аориста перфекту. Другой пример. Функциональные противопоставления восстановленных на основании соответствий в разных языках именных падежных форм дают возможность произвести ближнюю реконструкцию праиндоевропейской падежной системы. Маркированность номинатива ед.ч. муж.-жен. рода особым окончанием при немарки-

²⁰ В. В. Мартынов, Ук. соч., 9.

²¹ В. В. Мартынов, Ук. соч., 23.

рованности его в функциональном отношении и немаркированность номинатива-аккузатива среднего рода, а также следы немаркированности аккузатива мужского-женского рода²² противоречат принципу этой системы, в которой номинатив является исходной, независимой (следовательно, немаркированной функционально) формой имени, а аккузатив, как падеж прямого объекта, наиболее маркирован функционально. Эта аномалия, при использовании еще некоторых других данных, дала возможность установить в дальнейшей реконструкции противопоставление эргативного и абсолютного падежей. Среди других данных, использованных для решения этого вопроса, важнейшее значение имеет факт формальный: связь между окончаниями номинатива и генетива муж.-жен. рода.

В решении трудных вопросов дальнейшей внутренней реконструкции праиндоевропейского важную роль играют, с одной стороны, данные типологические и, с другой, как это ни парадоксально, данные, добываемые сравнительным путем в пределах индоевропейских языков.

Типологические данные, напр., сыграли решающую роль в реконструкции в праиндоевропейском эргативной конструкции предложения.

Для внутренней реконструкции в области праиндоевропейского особенно важно то обстоятельство, что, по крайней мере на первом этапе, внутренняя реконструкция здесь может сочетаться с внешним сравнением. Возможность этого сочетания создается тем, что имеются данные, свидетельствующие о более раннем отделении малоазийского диалекта, чем других, от праиндоевропейского языка. После этого в основном диалектном массиве праиндоевропейского произошел ряд изменений, не захвативших малоазийского, и внутренняя реконструкция в пределах этого этапа может подкрепляться сравнением фактов большинства индоевропейских языков с фактами хеттского и других малоазийских. Раннее отделение малоазийского диалекта свидетельствуется следующими фактами.

В хеттском языке именно окончание генетива *-as*, восходящее к индоевропейскому **-es/-os*, выражает генетив как единственного числа, так и множественного. В некоторых хеттских текстах встречается еще генетив с окончанием *-an*, восходящим к индоевропейскому **-om*, получившему значение множественного числа, но в хеттском и эта форма употребляется без различия в числе. Таким образом, в хеттском обе формы генетива, получившие в других индоевропейских языках разные числовые значения, не имеют этой дифференциации. Это, конечно, не новообразование, а сохранение древнейшего состояния. Данная форма на *-as* во множественном числе выполняет

²² Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград, 1967, 76–80.

в хеттском также функции датива и локатива. Поскольку приглагольный генетив в хеттском и в единственном числе имеет значения, близкие к дативным и локативным²³, очевидно, что данное явление отражает более широкие и разнообразные функции генетива в далеком прошлом индоевропейского языка. Особая же форма датива, выполняющая также функцию локатива, образовалась в хеттском только в единственном числе. В хеттском аблативе и инструментале формы единственного и множественного числа не различаются. Таким образом, в хеттском отражен тот этап развития индоевропейского именного склонения, когда особые формы множественного числа были только в номинативе и аккузативе.

Весьма широкие функции не только датива, но и генетива, наличие местных значений в обоих падежах делают вероятным предположение, что полное отсутствие локатива в хеттском не является результатом утраты его и что этот падеж возник после обособления малоазийского.

В хеттском отсутствуют падежные формы на **-bh-* или на **-m-*, которые в других индоевропейских языках получили значения преимущественно множественного числа (главным образом — датива и инструменталя), но в греческом, армянском, балтийском и славянском вошли и в сферу единственного числа и, по общему признанию, имеют сравнительно позднее происхождение.

В малоазийских языках отсутствует женский род и нет никаких следов прежнего существования его. В нем сохранилась более древняя система двух именных классов: активного (или одушевленного) и пассивного (неодушевленного).

В области личных местоимений формы косвенных падежей в разных индоевропейских языках совершенно различны и не сводятся к определенным архетипам. Общеиндоевропейскими являются только основы личных местоимений, причем в каждом из них две основы: одна в номинативе, другая в косвенных падежах. Это означает, что в праиндоевропейском существовало двухпадежное склонение личных местоимений, причем прямой и косвенный падежи выражались разными основами. Хеттские основы местоимения первого лица в обоих числах имеют связь с общеиндоевропейскими. *uk* „я“ может быть возведено к **ogo*, а последнее есть закономерный вариант индоевропейского **ego* или **egho*. Аккузатив-датив-локатив этого местоимения *amuk* может быть возведен к индоевропейской основе косвенных падежей **me* (срв. ген. *amēl*, абл. *amēdaz*). Номинатив множ. ч. выражен индоевропейской основой *wes* (срв. гот. *weis*, скр. *vay-am*, слав. дв. ч. *вѣ*), косвенные

²³ Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, 86—88.

падежи имеют основу *anz-*, восходящую к инд. **ns*. Но основы местоимения второго лица ед. ч. в хеттском и остальных индоевропейских языках, будучи тождественны материально, противоположны по функциям: основа **tu* во всех индоевропейских языках имеет значение номинатива, в хеттском — косвенных падежей (акк., дат.-лок. *tuk*), основа **te* (хетт. *ze-k*) — наоборот. Это свидетельствует о том, что малоазийский диалект обособлялся в эпоху, когда в праиндоевропейском основы местоимения первого лица уже получили значения прямого и косвенного падежей, а во втором лице еще не было падежной дифференциации.

В области глагола хеттский сохранил древнейшую систему окончаний медия, которые не разделяются на „первичные“ и „вторичные“ и обнаруживают явную связь с окончаниями перфекта (а последний не разделялся на актив и медий). Консервация этой системы может быть объяснена тем, что в эпоху выработки новой системы медиальных форм в праиндоевропейском малоазийский диалект уже был обособлен от остальных, и на него мало распространялись общеиндоевропейские процессы.

Что касается аориста, то нужно полагать, что какие-то элементы его существовали некогда в малоазийском и были утрачены, поскольку изложенные выше соображения ведут к заключению, что аорист сложился в праиндоевропейском довольно рано. Однако полное отсутствие каких-либо следов аориста уже в древнейших хеттских памятниках, восходящих к первой половине второго тысячелетия до нашей эры, удовлетворительно может быть объяснено при допущении, что в эпоху обособления малоазийского диалекта аорист еще не сформировался полностью как грамматическая категория.

В свете этих фактов становится вероятным, что и конъюнктив и оптатив, отсутствующие в малоазийском, в ту эпоху еще не были общеиндоевропейскими категориями.

Эти факты говорят о том, что малоазийский диалект отделился от праиндоевропейского языка в эпоху, когда в последнем еще существовала система двух именных классов, не развилась полностью дифференциация именных падежных форм по числам (она была только в номинативе и аккузативе), отсутствовал локатив, в области местоимений двухпадежное супплетивное склонение существовало в первом лице, но отсутствовало во втором, существовала древнейшая система медия, возможно — не полностью сформировался аорист, существовали „ларингальные“ согласные.

Это обстоятельство дает возможность при внутренней реконструкции праиндоевропейского той эпохи и последующих воспользоваться и внешним сравнением основного массива индоевропейских диалектов с малоазийским, благодаря чему возможности внутренней реконструкции в области праиндоевропейского значительно возрастают.